

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ЯЗЫКЕ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ДРЕВНЕЙ НИСЫ

В связи с обнаружением в Парфавнисе, древнейшей резиденции парфянских царей, большого архива хозяйственных документов естественный интерес вызывает вопрос о примененных в этих документах языке и письменности. Вопрос этот затрагивался в ряде наших публикаций¹ и в статьях проф. И. Н. Винникова² и М. Шницера³. В статье И. Н. Винникова рассматривается также ряд важных вопросов интерпретации данных документов.

С нашей точки зрения, вопрос о языке документов из Нисы не является дискуссионным. Однако поскольку в упомянутой статье такого выдающегося знатока арамейского языка, как И. Н. Винников, делается попытка показать, что язык документов не парфянский, а арамейский, следует постараться, не дожидаясь выхода в свет издания всего архива, которое ныне подготавливается, внести в вопрос о языке этих документов надлежащую ясность. В настоящее время для этого имеется полная возможность, так как в распоряжении авторов находится уже более 2000 документов, в значительной мере однородного содержания, что позволяет произвести проверку чтений, предложенных ранее на основании единичных текстов.

Прежде чем говорить собственно о языке документов из Нисы, необходимо вкратце остановиться на своеобразном характере письменностей, развившихся на арамей-

¹ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ), МЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 21—65; о н и ж е, Новые находки парфянских документов, Изв. Туркм. АН, № 6, 1953; о н и ж е, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4, стр. 114 сл.; о н и ж е, Парфянский архив из Южного Туркменистана, Доклады Советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, М., 1954, стр. 81 сл. — Несколько слов о воспроизведении текстов. Часть из них опубликована нами в фотографической репродукции; примененная методика фотографирования позволила получить воспроизведения, в некоторых случаях более ясные для чтения, чем сами оригиналы. Кроме того, все опубликованные тексты даны в автографиях, представляющих те же фотографии с обведенными тушью знаками и вытравленным фоном. М. Шницер, переиздавая наши тексты, повидимому, не испытывал трудности при чтении их по воспроизведениям. Поэтому вызывает удивление жалоба Р. Фрая (R. N. Fray, J. F. Gilliam, H. Ingholt, C. B. Welles, Inscriptions from Dura Europos, «Yale Classical Studies», XIV (1955), стр. 197 сл.) на то, что «важные документы из Нисы, Туркменская республика, ССР (!?), издааны... со скверными фотографиями», причем автор дает ссылку на несуществующую работу «И. М. Дьяконов, Документы из древней Нисы, М., 1952».

² И. Н. Винников, О языке письменных памятников из Нисы, ВДИ, 1954, № 2, стр. 114 сл.

³ M. Sz n u s e r, Ostraca d'époque parthe trouvés à Nisa, «Semitica», V (1955), стр. 65 сл.

ской основе и распространенных в последние века до нашей эры и первые века нашей эры в Иране, Средней Азии и Закавказье.

В период господства Ахеменидской державы официальная канцелярия пользовалась арамейскими письменностью и языком, независимо от того, были ли писцы арамеями или нет. Высшими же чиновниками были преимущественно персы или представители других иранских народностей, и содержание документов складывалось на иранском языке¹. Вследствие этого в канцеляриях постепенно выработалась стандартная система соответствий определенных канцелярских формул, отдельных выражений и слов арамейской терминологии с отвечающими им формулами, выражениями и словами иранских языков (персидского, а затем — парфянского, согдийского, хорезмийского и др.).

Арамейская письменность была уже, возможно, в V—IV вв. до н.э. применена также для передачи иранского — древнеперсидского языка². Однако — может быть потому, что арамейское письмо не вполне адекватно и однозначно передавало иранскую фонетику, а также потому, что арамейское письмо не передавало огласовки (за исключением, в определенных случаях, долгих *i* и *ū*, а долгого *a* — лишь в конечном положении) и тем самым не достаточно ясно передавало характер древнеиранской флексии³, — система записи иранского текста алфавитным арамейским письмом не получила распространения.

После падения ахеменидской державы распространяется особый, смешанный вид письменности, в котором целый ряд формул, выражений и отдельных слов пишется по-арамейски, наряду с написанием других слов арамейскими буквами по-ирански — система письма с гетерограммами, получившая позднее (при Сасанидах) среднеперсидское название *uzvāgišn* (буквально «толкование, объяснение») и неточно именуемая также «пехлеви».

Уже в XIX в. было установлено, что эта письменность предназначалась для чтения целиком по-ирански, таким образом, что и слова, написанные по-арамейски, следует рассматривать не как лексические заимствования, а как особые зашифрованные написания (гетерограммы), которые читались по-ирански⁴. Точно так же и в текстах, где арамейские написания преобладают, слова, написанные по-ирански, следует рассматривать не как лексические заимствования в арамейский язык, а как раскрытые написания, применяемые наряду с арамейскими гетерограммами при чтении всего текста по-ирански. Происхождение этой своеобразной системы письма до сих пор

¹ Н. Н. Schaefer, *Iranische Beiträge*, I, Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Geisteswissenschaftliche Klasse, 6. Jahrg. (1930), вып. 5, стр. 6.

² См. МЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 53. По устному сообщению Р. Фрая надпись арамейскими буквами из Накш-и Рустама, на которую мы опирались в своем мнении о том, что арамейский алфавит был применен к иранскому языку еще в ахеменидское время, принадлежит не к ахеменидскому, а к более позднему периоду. Решение этого вопроса невозможно до надлежащего переиздания этой надписи. Однако, если копия, опубликованная Э. Херцфельдом (E. Herzfeld, *Altperische Inschriften*, В., 1938, стр. 12), не представляет собой чистой фантазии, то в этой надписи встречаются явно древнеперсидские слова, например ТУ (стк. 4, 17, 18, 20, 23) = древнеперсидское *tu*; НУ (стк. 16 и др.) = *nu*; 𐎠𐎶𐎶𐎶 WZRK = *xšāyaθiya vazraka* (стк. 20). MN — очевидно, не арамейское *min*, а древнеперсидское *mañā*; при этом не отождествляется ни одного бесспорно арамейского слова. Письмо этой надписи в копии Херцфельда почти не отличается от письма эфептинских папирусов V в. до н. э.

³ См. примеры в предыдущем примечании.

⁴ Эта система письма по своему принципу в точности совпадает с аккадской (ассиро-вавилонской), где также встречающиеся в тексте шумерские формулы, выражения и слова читаются по-аккадски; иной раз в тексте почти или совсем нет слов, написанных по-аккадски, и, однако, текст не может читаться по-шумерски. Речь и здесь идет о гетерограммах, а не об «идеограммах», т. е. изобразительных знаках для понятий среди фонетически написанного текста.

порождает некоторые споры, однако самый его характер уже давно не вызывает никакого сомнения.

Число гетерограмм было первоначально, видимо, очень значительным во всех письменностях, созданных на арамейской основе в Иране, Средней Азии и Закавказье. Зашифрованные написания применялись для подавляющего большинства наиболее употребительных слов (глагольная лексика, местоимения, предлоги, наречия, союзы, имена родства и т. п.) и даже для целых выражений. В дальнейшем в некоторых письменностях количество гетерограмм постепенно уменьшается. Так было, например, в согдийской письменности, где число гетерограмм в памятниках VIII—IX вв. меньше, чем в текстах начала IV в. (так называемые «старые согдийские письма»). В парфянской и среднеперсидской письменностях гетерограммы продолжали широко употребляться и в надписях Аршакидов, и в сасанидских надписях III—IV вв., и в книжном среднеперсидском. Для книжного среднеперсидского были составлены специальные словари, так называемые *Frahang-i pahlavik*, содержащие расположенные в тематическом порядке списки гетерограмм и их раскрытые иранские написания¹.

В позднем «книжном пехлеви» арамейские гетерограммы для глаголов обычно имеют при себе фонетические комплементы в виде приписанных к гетерограмме (часто вместе с ее арамейскими формантами) иранских морфологических показателей (например, YBLWNt = *burt* «он унес», YBLWNwm = *barom* «я уношу») или вообще окончаний соответствующих слов (например, TBRWNstn = *škastan* «ломать», ср. написания имен существительных типа ³MYtr = *mātar* «мать» и т. п.), что бесспорно указывает на гетерографический характер арамейского написания. Однако, в противоположность указанию И. Н. Винникова², в ранних текстах, в частности в текстах парфянского времени, фонетические комплементы употребляются редко, а в некоторых текстах и вовсе не наблюдаются. Поэтому отличить иранский текст с обилием гетерографических написаний от арамейского текста с отдельными иранскими лексическими заимствованиями можно только путем установления фактов нарушения правил арамейского синтаксиса и морфологии и, напротив, правильного употребления иранской флексии при словах незашифрованного написания.

Отсюда вытекает парадоксальный факт: можно расходиться во мнении относительно языка памятника и все же не расходиться в чтении и толковании его содержания. Таково именно положение в случае интерпретации текстов из Нисы, предложенных нами и И. Н. Винниковым³. Различное объяснение отдельных слов и вытекающие отсюда выводы о содержании документов определяются в данном случае не различием во мнениях относительно языка документов, а только различной этимологизацией и переводом соответствующих слов. Смысл текста не меняется от того, рассматриваем ли мы арамейские слова как гетерограммы, имеющие иранское чтение, или нет. Показательно, что И. Н. Винников, в корне расходясь с нами в определении языка документов, в подавляющем большинстве случаев принимает предложенные нами чтения и толкования отдельных слов.

Следует пожалеть, что И. Н. Винников писал свою статью, повидимому, до опубликования в ВДИ нашей статьи о парфянском архиве из Нисы⁴, а после ее опубликования

¹ Позднее в эти словари включаются и ложные гетерограммы — некоторые среднеперсидские слова в исторической орфографии, а также написания, допускающие несколько чтений. Несомненно, многие гетерограммы вышли из употребления ранее составления этих словарей.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 127.

³ Поэтому, например, М. Шницер, давая свой перевод текстов из Нисы, воздерживается от категорического суждения по поводу того, написаны ли они по-арамейски или по-ирански, но склонен отнести их к категории «предпехлеви» с преобладанием арамейских элементов. Если иметь в виду преобладание этих элементов в письме, то с этим вполне можно согласиться.

⁴ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4.

не внес в свою работу соответствующих коррективов. Поэтому в некоторых случаях он опровергает такие положения нашей первоначальной публикации, которые в результате находки большого количества документов, сверх первых опубликованных нами восьми, уже и сами собой отпали, как это и отмечено в нашей статье в ВДИ. С другой стороны, он не высказывается по поводу приведенной нами в этой второй статье аргументации в пользу парфянского характера языка документов¹.

Ниже мы постараемся разобрать аргументы И. Н. Винникова в пользу того, что рассматриваемые документы написаны по-арамейски, а затем приведем доказательства в пользу того, что язык документов — парфянский.

Следует подчеркнуть, что речь идет не только о данных документах, но и о парфянских текстах вообще², так как по обилию и типу употребления арамейских гетерограмм, по характеру нарушений правил арамейского синтаксиса и морфологии, наконец по характеру употребления иранской флексии при незашифрованных написаниях документы из Нисы не отличаются принципиально от других, более поздних парфянских памятников, — как известного ранее Авроманского пергамента, так и документов, введенных в научный обиход уже после первых наших публикаций.

Приведем для примера начало письма на парфянском языке позднепарфянского времени из Дура-Эвропос³:

ŠLM WŠRRT ŠGY' H[W]ŠRT LMRY' QDM ḥwtwy KTYT wšp[zn]y ŠL[M H]WY[H] 'wgwn šwgwn ḥwtwy BNPŠH «Благополучия и силы мною посылаю господину моему; непрерывно на все времена перед господином (моим) да будет благополучие так, как самому господину (угодно)».

Здесь мы не только встречаем большую канцелярскую формулу (приветствие), написанную на более или менее правильном арамейском языке, но и сама эта формула прямо засвидетельствована в арамейских письмах ахеменидского времени⁴. И тем не менее употребление иранских слов (wšp[zn] и др.) в тех случаях, когда в арамейском имелись вполне употребительные эквиваленты, параллельное употребление то гетерографического написания MR Y'⁵, то раскрытого иранского ḥwtw для такого обыкновенного слова, как «господин», наличие иранской флексии при иранских словах (ḥwtwy, wšp[zn]) — все это указывает на то, что арамейский текст является здесь гетерографическим и что документ следует читать по-парфянски. Сомнения это до сих пор никогда не вызывало. Лишь в тех случаях, когда текст написан гетерографически сплошь или с применением всего одного-двух иранских слов, могут возникнуть сомнения по поводу определения языка памятника. Таковы надписи из Арабиссона в Малой Азии, надписи из Армази и Бори в Грузии, надписи Артаксия I из Армении и некоторые

¹ И. Н. Винников (ук. соч., стр. 116) называет семь из публикуемых им черепков ранее не изданными, хотя документ I, 72 уже был издан нами в указанной статье, а некоторые другие были привлечены в тексте наших статей. И. Н. Винников не учитывает также сделанных нами после первой публикации дополнений в чтении текста документа II-VII.

² Исключение составляют лишь манихейские тексты на парфянском языке, относящиеся к гораздо более позднему времени и написанные разновидностью сирийского письма (так называемым «эстрангело»).

³ W. B. Henning, ред. на Franz Altheim und Ruth Stiehl, *Asien und Rom*, «Gnomon», 26 (1954), стр. 477. — Крупным шрифтом указаны гетерограммы, мелким — раскрытые иранские написания.

⁴ См. E. Sachau, *Aramäische Papyrus und Ostraka aus Elephantine*, Lpz, 1911, № 16; G. R. Driver, *Aramaic Documents of the 5th Century B. C.*, Oxford, 1954, №№ 1, 5 и др.

⁵ Ср. MR'Y — гетерограмма, сохраняющаяся в согдийской письменности до VIII—IX вв. н. э., как об этом свидетельствуют документы архива Диваштича и согдийские тексты буддийского содержания.

другие¹. Однако и в этих случаях грубые нарушения элементарных правил арамейской грамматики заставляют подозревать гетерографический характер текста.

Каковы же аргументы И. Н. Винникова в пользу того, что документы из Нисы написаны по-арамейски? Приведем его положения дословно, лишь с небольшими сокращениями в несущественных местах². При этом мы позволим себе переставить порядок приводимых И. Н. Винниковым пунктов, так как пункт, поставленный им первым, является наиболее серьезным и требует внимательного анализа текста.

Итак, аргументы И. Н. Винникова сводятся к следующему:

1. «Нисийские надписи получают удовлетворительное объяснение только на основании арамейской лексики. То обстоятельство, что в надписях встречается известное количество иранских слов, ровным счетом ничего не доказывает. Некоторые из этих слов (как, например, 'pdk — дворец) были уже давно заимствованы в арамейском языке из персидского, а другие (как, например, 'bzbr — загородный (?), mdybr — виночерпий) представляют специфические местные технические термины». Далее автор приводит примеры заимствований из иранских языков в арамейский язык.

На это можно возразить, что любая гетерографическая надпись, тем более надпись, где гетерограммы, — как это обычно в ранних иранских текстах, — весьма обильны, естественно, может получить удовлетворительное объяснение только на основании арамейской лексики. При нашем издании и толковании текстов анализ гетерограмм, само собой разумеется, исходил именно из этого основания. Достаточно сказать, что в публикации И. Н. Винникова нет ни одного слова, которое бы мы толковали как иранское, а нашему оппоненту удалось доказать, что оно арамейское, — ни одного арамейского слова, которое не было бы уже раньше отмечено нами как арамейское. Да и в толковании этих слов И. Н. Винников расходится с нами лишь в незначительном числе случаев, причем, как будет показано, в тех случаях, когда И. Н. Винников не сходится с нами, причина этому не в том, что мы не усмотрели арамейский характер слова, а в разном понимании слова с точки зрения арамейского же языка.

С другой стороны, никак нельзя согласиться с И. Н. Винниковым, что наличие в текстах иранских слов «ровным счетом ничего не доказывает». Прежде всего, иноязычные слова, как общее правило, заимствуются в прямом падеже единственного числа, а не в косвенном падеже. Это показывают и приводимые И. Н. Винниковым примеры, и специальные исследования, посвященные иранским словам в арамейском³. Между тем в текстах из Нисы у ряда иранских слов, которые по своему синтаксическому положению должны стоять в косвенном падеже, мы действительно видим соответствующую иранскую флексию косвенного падежа (-y). И. Н. Винников не пытается дать общего объяснения наличию этой флексии.

Заимствованные слова в ряде случаев претерпевают фонетические изменения в соответствии с фонетическими нормами языка, их заимствовавшего, что также видно по примерам, приведенным И. Н. Винниковым, и чего в нисийских текстах не наблюдается (ср. *gizbārā*, *gizbār* < *ga¹zabāra* «казначей»; *'aḥšārpanā* < *uḥšārpana* «саграв», и т. п.). Некоторые из иранских слов, о которых идет речь, действительно были заимствованы в арамейский язык, однако имели там не ту форму, которую мы встречаем в нисийских документах (например, араб. *'aradna*, *'aradnā* < *aradāna*, **aradāna*, нис. *aradānak*). Особенно характерно в данном случае слово «саграв». Оно встречается

¹ См. И. М. Дьяконов и К. Б. Старкова, Надписи Артаксия I (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1955, № 2, стр. 161 сл.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 126 сл.

³ См., например, S. T e l e g d i, Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique, «Journal Asiatique», CCXXVI, № 2, стр. 177—256. Среди 130 иранских слов, заимствованных в арамейский язык в период V в. до н. э.— V в. н. э., нет ни одного, которое было бы заимствовано в форме косвенного падежа.

как в гетерографической форме (PHT'), так и в раскрытой (ḥštrp)¹. Другой пример чередования гетерографического и раскрытого написания (из еще не опубликованных документов) — nwrst «новопроизведенное (вино)» и гетерографическое HDT.

Наиболее характерный случай, раскрывающий арамейские написания как гетерографические, представляет часто встречающееся в пока не опубликованных документах из Нисы выражение «виноградник Барзметан, называемый новым», который встречается в таких вариантах: 1) Brzmytn KRM' HDT (QRY); 2) Brzmytn KRM' nwk QRY 3) Brzmytn KRM' HDT nm (?). Это дает полное основание читать все выражение во всех случаях по-парфянски, как Barzmeḏān raz n'avak nām.

Наконец, следовало бы ожидать, что иранские слова, попав в арамейский язык в качестве заимствований, будут подчиняться правилам арамейской грамматики, как это и наблюдается во всех подлинно арамейских текстах. В частности, когда речь идет об определенном предмете, имя должно получать постпозитивный энклитический артикль (так называемое «определенное состояние»). Например, когда говорится, что вино передается или предназначается «в руку сатрапа», то речь, очевидно, идет не о сатрапе вообще, а об определенном сатрапе, и, следовательно, слово «сатрап», является ли оно заимствованным в арамейский язык или собственно арамейским, должно стоять в определенном состоянии (*LYD ḤŠTRP', а не LYD ḥštrp!). Действительно, как только иранское слово ḥštrp заменяется арамейской гетерограммой, этой гетерограмме придается форма определенного состояния (LYD PHT'). То же самое мы наблюдаем и во всех других подобных случаях. Ни одно иранское слово в нисийских документах не имеет формы арамейского определенного состояния. Таким образом, утверждение И. Н. Винникова, будто наличие в текстах иранских слов «ровным счетом ничего не доказывает», является неверным. Дело не в том, что иранские слова встречаются, а в том, как они встречаются и каким образом употреблены.

2. «В отличие от всех достоверно известных нам парфянских текстов, в особенности Авроманского документа III, также относящегося к I веку до н. э., арамейские слова в нисийских надписях никогда не имеют при себе иранских морфологических показателей и, следовательно, никак не могут считаться идеограммами».

Это утверждение И. Н. Винникова просто фактически неверно. Фонетические комплементы при арамейских гетерограммах в иранской письменности появляются не сразу. При имени они часто отсутствуют и в позднее время. Что же касается глагола, то и здесь нередки случаи отсутствия фонетических комплементов даже в поздних памятниках. Так, например, в среднеперсидской версии (парсики) Хаджиабадской надписи Шапура I встречается 13 глагольных гетерограмм, причем ни одна из них не имеет иранских фонетических комплементов². Для ранних памятников это

¹ М. Шницер («Semitica», V, стр. 88²), переиздавая опубликованный нами текст I-44 (ВЦИ, 1953, № 4, стр. 124), вместо ḥštrp читает «SYHP(?)», замечая при этом: «Невозможно здесь видеть это слово (ḥštrp.—*Авт.*); в частности, третья буква никоим образом не может быть tau: это прекрасно написанный yod. Кроме того, предпоследняя буква не может быть gēsh». Несмотря на столь категорическое утверждение, формула LYD ḥštrp (как и равнозначная ей формула LYD PHT') десятки раз встречается в текстах в совершенно ясном написании. Шницер был введен в заблуждение тем, что в опубликованном нами документе знак T поврежден и при этом, по небрежности писца, слился со следующим R.

² См. E. Herzfeld, Paikuli, В., 1924, стр. 87—89. Фонетические комплементы при глагольных гетерограммах часто отсутствуют и в более поздних сасанидских надписях. Например, в надписи из Накш-и Раджаба: YDWYTN (стр. 17) = snāyt; WZLWN (стр. 19) = šut; LMYTN (стр. 22) = aḡgand; YHMTWN (стр. 22) = rasit (ср. стр. 21: YHMTWNT); YKTYBWN (стр. 25) = nipist; в надписи из Накши Рустама: ḤWYTWN (стр. 1, 2) = danist; WBYDWN (стр. 2, 5, 6) = kirt. Наиболее употребительная форма от глагола būtan «быть» — 3 л. ед. ч. — в среднеперсидских надписях (в отличие от более позднего «книжного пехлеви»), как правило выписывается без фонетического комплемента: YHWWN = būt.

является правилом. В парфянском тексте Авроманского пергамента, на который ссылается И. Н. Винников, личные формы глагола встречаются три раза, причем в двух случаях выступают арамейские гетерограммы без комплемента. В нисийских документах число личных форм глагола очень невелико, и все они встречаются в стандартном формуляре. Кстати, следует отметить, что почерк Авроманского документа — видимо, более поздний, чем почерки документов из Нисы. В свете новых данных, которые доставлены нам нисийскими документами, дату Авроманского пергамента, вероятно, следует пересмотреть. Надо полагать, что он относится не к I в. до н. э., а к I в. н. э.

3. Наконец, самый серьезный аргумент И. Н. Винникова: «Нисийские надписи составлены в полном соответствии с требованиями арамейского синтаксиса». Это смелое утверждение И. Н. Винников раскрывает далее следующим образом: «В арамейской письменности могут быть без особого труда обнаружены многочисленные примеры грамматических конструкций, встречающихся в этих надписях. Случай несогласованности в роде, наблюдаемый в надписях (hbt' сосуд — ж. р., а следующее за hbt' указательное местоимение znh — м. р.), имеет много параллелей как в известных нам арамейских надписях, так и в памятниках письменности на других семитских языках, хотя не исключена возможность, что здесь оказал некоторое влияние разговорный язык нисийских писцов, в котором грамматический род не различался».

Когда мы говорим о несоблюдении правил арамейского синтаксиса, мы имеем в виду следующие явления, наблюдающиеся в текстах из Нисы:

1. Несогласование в роде (HWTH ZNH).

2. Порядок слов. Так, выражение «старое вино» лишь немного реже передается в форме 'TYQ HMR, 'TYQ HMR, чем в единственно правильной по-арамейски форме HMR 'TYQ¹.

3. Неправильное употребление «состояний» арамейского имени. Сюда относится употребление «сопряженного состояния» перед предлогом, в то время как оно должно употребляться только перед генетивным определением (HN^cLT 'L ŠNT...), а также неприменение формы «определенного состояния» (артикля) там, где она требуется (все слова иранского происхождения), и неправильное употребление «определенного состояния» (например, перед генетивным определением).

Все эти явления широко распространены в гетерографической письменности; И. Н. Винников утверждает, что они столь же распространены в оригинальной письменности на арамейском языке. Посмотрим, так ли это.

Коренной слабостью построений И. Н. Винникова является недостаточное внимание к истории языка. Арамейский язык не представляет некоего единства. Он распадается на несколько диалектов, иногда отстоящих друг от друга настолько, что можно сомневаться во взаимопонимании носителей этих диалектов. Все эти диалекты в течение веков и тысячелетий претерпевали значительное развитие. Понятно поэтому, что, приводя тот или иной факт арамейского языка, необходимо прежде всего установить, в какое время и в каком диалекте этот факт появился и получил распространение.

Гетерограммы парфянских текстов восходят не вообще к арамейскому языку, а к определенному его диалекту, именно — к так называемому «западноарамейскому койнэ» или «имперскому арамейскому» — разновидности староарамейского языка, принятой в канцеляриях ахеменидского времени. Язык этот вышел из живого употребления вскоре после падения державы Ахеменидов. В наиболее поздних его памятниках, например в арамейских отрывках Книги Даниила (по всей вероятности, II в. до н. э.), уже заметно вытеснение характерных признаков «имперского арамейского» (глагольной породы haph'el, передачи звука d через z) более поздними формами

¹ По-парфянски обе конструкции возможны. — Следует также обратить внимание на особенно характерное для гетерографических текстов смешение простого T (в данном случае удвоенного) и эмфатического T.

Напротив, в гетерографической письменности (если не считать некоторых поздних гетерограмм, проникших из другого арамейского диалекта, — второй слой арамейских гетерограмм по А. Я. Борисову), основанной на застывшем употреблении выработанных ахеменидской канцелярией формул, формы «имперского арамейского» продолжают жить без изменений, если не считать чисто графических искажений, обусловленных сходством написания некоторых букв в поздних пошибах «пехлеви», а также смещения «простых» и «эмфатических» согласных арамейского языка.

И. Н. Винников пишет: «Нас не должно смущать то обстоятельство, что в каком-то районе Парфии в I веке до н. э. надписи составлялись на арамейском языке. В надписях из Танг и Сарвака (ущелье к северу от Бехбехана в Хузистане) II в. до н. э., по мнению Хеннинга, язык также чисто арамейский»¹. Однако это довод не в пользу концепции И. Н. Винникова, а против нее: дело в том, что надписи из Танг и Сарвака написаны не на «имперском арамейском», а на более позднем, повидимому местном, арамейском диалекте. Как известно, арамеи жили в Хузистане еще с начала I тысячелетия до н. э. В I в. до н. э. на «имперском арамейском» уже никто не писал; сами арамеи пользовались другими диалектами. Он продолжал жить только в гетерографической письменности.

Оценивая приводимые И. Н. Винниковым примеры упомянутых выше синтаксических аномалий в собственно арамейских текстах, мы должны рассмотреть, к какому времени и диалекту относятся его примеры.

Случаи несогласования в роде имени с местоимением, конечно, наблюдаются в арамейском языке, однако для староарамейского И. Н. Винников приводит примеры не на это, а на другое, хотя и родственное, явление — несогласование в роде субъекта и именного предиката. Исключение составляет лишь надпись из Таксилы. И. Н. Винников ссылается на чтение стк. 6 этой надписи², предложенное А. Каули: PQYDTY ZNH, однако такое чтение никак не может быть принято. По фотографии и эстампажу надписи³ стк. 6 может читаться как hwptysty ZNH, причем первое слово интерпретируется Ф. Андреасом как иранское *hupatīyāste* «хорошо выполняющий (приказ)», где *-ē* — показатель косвенного падежа, ср. авестийское *paītiyāsti*⁴. Таким образом, надпись из Таксилы (по всей вероятности, как и документы из Нисы, гетерографическая)⁵ здесь привлечена быть не может.

Несогласование в роде встречается в любых арамейских текстах лишь как аномалия. Если бы писцы Нисы писали на живом арамейском языке, а не пользовались застывшими гетерограммами, они хоть несколько раз (из известных нам почти двух тысяч случаев) употребили бы правильное выражение. Однако десятки писцов на протяжении десятков лет повторяют одну и ту же ошибку. Но если это гетерография, то тут нет ошибки: ZNH является гетерограммой для иранского указательного местоимения, которое в парфянском, как и в среднеперсидском, не различается по родам и, следовательно, может стоять при имени, независимо от того, выражено ли последнее гетерограммой, имеющей в арамейском мужской или женский род.

В отношении неправильного употребления состояний имени И. Н. Винников разбирает только первый случай — сопряженное состояние перед предлогом. Он ссылается на то, что подобное явление наблюдается в сирийском и мандейском арамей-

¹ И. Н. Винников, ук. соч., стр. 127.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 118.

³ См. F. C. A n d r e a s, Erklärung der aramäischen Inschrift von Taxila, «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Klasse, 1932, I, табл. 1.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ В чтении Ф. Андреаса иранские слова (*rmydy*, *'szwš*, *hwptysty*, *hwwrđ*, *hwnštn*, *hwt[wu]*) составляют свыше половины всей лексики этой надписи; ряд форм, по признанию Ф. Андреаса, не находит удовлетворительного объяснения на почве арамейской грамматики.

ских языках. Однако эти языки сложились и существовали многими столетиями позже рассматриваемого нами времени, и тем более — позже времени существования «имперского арамейского». Совершенно не относятся сюда приводимые И. Н. Винниковым примеры из моавитского и финикийского языков, т. е. из других языков и другого времени. К тому же в этих примерах, повидимому, дело идет не об употреблении сопряженного состояния перед предлогом, там, где его нельзя ожидать, а скорее о сохранении древнего женского окончания абсолютного состояния, чего в нашем случае предполагать, конечно, не приходится.

Наконец, если даже признать, что подобные грамматические аномалии действительно могли иметь место в староарамейском, все же они остаются аномалиями, редкостями, и скопление их на протяжении трех-четырех коротких строк стандартного формуляра делает арамейский характер текста весьма сомнительным, — тем более, что в таком предположении и нет никакой необходимости, так как гетерографические тексты подобного рода давно и хорошо известны и их гетерографический характер установлен много лет тому назад.

Таким образом, следует признать, что И. Н. Винников не имел достаточных оснований подвергать сомнению иранский характер языка и гетерографический характер письменности нисийских (а тем самым — и всех им подобных) документов и доказать свой тезис ему не удалось.

Несмотря на столь коренное расхождение между нами и И. Н. Винниковым в вопросе о том, на каком языке написаны документы из Нисы, И. Н. Винников, так же как и М. Шницер, по существу принимает наше чтение текстов, и лишь в четырех случаях они расходятся с нами в переводе. Так, если мы понимаем слово HWTN , HWT' как обозначение документа, то И. Н. Винников считает это слово (читаемое им $\text{h}^{\text{b}}\text{th}$, $\text{h}^{\text{b}}\text{t}'$) обозначением сосуда; если мы считаем слово 'wzbr , обозначающим категорию земли, подлежащей определенным натуральным сборам, то И. Н. Винников переводит слово 'wzbr как «загородный (?)»; если мы переводим слово $\text{HN}^{\text{'}}\text{LT}$ как «взнос», то И. Н. Винников переводит его «сбор урожая». Наконец, в четвертом случае И. Н. Винников раскрывает слово IM как аббревиатуру HMR MDY «мидийское (или: опьяняющее) вино». М. Шницер следует за И. Н. Винниковым в первых трех случаях и за нами — в четвертом и, кроме того, усложно предлагает новый перевод для слова mdwbr , в отношении которого И. Н. Винников согласен с нами.

Расхождение в переводе четырех слов приводит к тому, что формуляр документов, который мы переводим «По этому документу (?) из виноградника, подлежащего сбору, вина мер столько-то, взнос на год такой-то, доставил(и.) NN, виночерпий»¹, И. Н. Винников переводит «В сосуде этом из виноградника загородного (?) мидийского (? или опьяняющего) вина столько-то, сбор урожая за год такой-то. Доставил NN, виночерпий»². Отсюда, в то время как мы толкуем документы как учетно-административные, И. Н. Винников толкует их как этикетки, хотя, возможно, и служившие, помимо этой своей основной цели, целям хозяйственного учета³.

Таким образом, расхождение между нашим толкованием и толкованием И. Н. Винникова лежит отчасти в плоскости определения языка, независимо от понимания содержания текста, отчасти же в плоскости перевода отдельных слов независимо от языка документов, причем различный перевод этих слов отражается на понимании текстов в целом и их оценке как исторических источников.

Ниже мы суммируем имеющиеся доказательства в пользу того, что язык документов из Нисы следует рассматривать как парфянский. Но прежде чем перейти к этому вопросу, остановимся вкратце на предлагаемых И. Н. Винниковым объяснениях тех слов, в понимании которых он с нами расходится:

HWT' . И. Н. Винников предлагает в начале формуляра читать $\text{h}^{\text{b}}\text{t}'$ в произно-

¹ ВДИ, 1953, № 4, стр. 22; «Доклады...», стр. 84.

² И. Н. Винников, ук. соч. стр. 123.

³ Там же, стр. 127.

шении ḥāb tā^1 . Действительно, в большинстве почерков легко смешать W и V. Этим объясняются, между прочим, наши колебания в чтении слова ʿwzbry или ʿbzby . Однако сверка сотен документов, написанных разными почерками, приводит к выводу, что в обоих словах во всех случаях надо читать W, т. е. ḤWT^2 и ʿwzbry . Но слово ḤWT^2 ни в коем случае не может читаться ḥāb tā . Во-первых, требуется полногласное написание долгого \bar{a} . Неполногласные написания в «имперском арамейском» встречаются в подобных случаях крайне редко и всегда как варианты правильных полногласных написаний. И. Н. Винников приводит несколько примеров таких редких вариантов, но и в них во всех случаях, кроме одного, дело идет о закрытом, а не об открытом слоге. Из десятков нисийских писцов, составивших около двух тысяч документов, где встречается слово ḤWT^2 , хотя бы некоторые должны были написать это слово правильно.

Вторая трудность предложенного И. Н. Винниковым чтения заключается в следующем. И. Н. Винников пишет: «Произношение ḥābitā , т. е. ḥāv tā , вызвано той особенностью арамейского языка, согласно которой смычные согласные b, g, d, p, k, t, если они не удвоены, заменяются после гласного пельными согласными bh, gh, dh, ph, kh, th. Следовательно, $\text{ḥābitā} = \text{ḥābitā}$, т. е. ḥāv tā ». Между тем иноязычные передачи арамейских слов I тысячелетия до н. э. и первых двух столетий после начала нашей эры, равно как и старейший слой заимствований в арамейский из иранских языков, показывают, что в это время интервокальное b было лишь придыхательным и еще не превратилось в v, и оснований для смешения в написании V и W еще не было. Исключение может быть лишь для b(h) в конце закрытого слога, где оно, повидимому, могло уже рано переходить в w. Не случайно все приводимые И. Н. Винниковым примеры подобного смешения V и W в интервокальном положении относятся к средневековым текстам. Таким образом, нет оснований видеть в ḤWT^2 нисийских текстов слово ḥābitā «сосуд». Скорее можно было бы здесь видеть, например, слово ḥōbta «долг, обязанность», отсюда, может быть, «обязательство».

Каково действительное точное значение этого слова — пока еще неясно; предложенное нами толкование его как ḥawitā «род документа (?)» является условным, как это и подчеркивалось в наших публикациях. Однако просто отбросить наше толкование в настоящее время не представляется возможным.

Даже в том случае, если бы ḤWT^2 означало не род документа, а «сосуд» (только вряд ли ḥābitā), это не отменяло бы понимания данных текстов не как этикеток, а как учетных документов, например накладных, имея в виду общее содержание текста. ʿwzbry . Согласно нашему объяснению, это слово является характеристикой виноградника, — о котором идет речь в тексте, — как относящегося к определенной категории земли, подлежащей определенному виду сбора. Это позволило нам поставить вопрос о характере государственных сборов в Парфии. Независимо от этимологии данного слова, примерное его значение выявляется из того факта, что в некоторых документах² (относящихся, видимо, к виноградникам, подлежащим сборам другого рода) в формуляре на месте слова ʿwzbry стоит слово ptbzyk , значение которого ясно. Это — иранское прилагательное, образованное от иранского слова $\text{patibazi-} > \text{pat-}$

¹ Там же, стр. 116. — Надо заметить, что И. Н. Винников не вполне правильно понял предложенное нами объяснение этой формы. Речь идет об имени, образованном от корня ḤWN , а не об инфинитиве породы «па^сэль».

² Следует заметить, что И. Н. Винников неправильно относит единственный документ с термином ptbzyk в формуляре, бывший известным до 1954 г., к другому времени, а именно к 76 г. аршакидской эры (ук. соч., стр. 128, прим. 1). Уже с первого взгляда на почерк этого документа видно, что он одновременен с остальными документами. Новые находки дали целый ряд документов с подобной формулой, и все они имеют те же даты, что и документы, применяющие термин ʿwzbry . Очевидно, писец в одном случае по ошибке опустил знак для сотни, и в этом документе дату надо читать как $\langle 1 \rangle$ 76 г. аршакидской эры.

bāz, имевшего специальное значение «обязательное приношение царю плодов». В настоящее время, когда установлено точное чтение интересующего нас слова как 'wzby, наше объяснение подтверждается: этот иранский термин, в форме uz-ba-gi, uz-ba-ga, иногда с определением «царский», часто встречается в вавилонских текстах ахеменидского времени в качестве термина для категории земли¹. Тем самым отпадают и сомнения М. Шницера по поводу того, может ли земля, «подлежащая сборам», быть царской. Несомненно, что с царской земли поступали различные натуральные сборы, которые нет необходимости всегда понимать как «налоги»².

И. Н. Винников — правда, с оговорками — предлагает иную этимологию этого слова: «avāz < abāz наречие места: назад, сзади + baг стена, крепостная или городская, + приставка для образования относительного прилагательного». Отсюда перевод «(виноградник) загородный (?)», — хотя непонятно, почему все виноградники, где бы и в каких деревнях они ни находились, непременно характеризуются как «загородные (?)» и что такое, собственно, виноградник городской?

В данном случае И. Н. Винников вновь не проявляет внимания к истории языка: ни наречие «назад, сзади», ни слово «стена» не могли в это время иметь таких форм в иранском³. Что касается окончания -Y, то оно, как указывалось, встречается не только в этом случае, но и в других иранских словах (наряду с «дефектным» написанием без -Y), когда эти слова стоят в косвенном падеже, и не может быть ничем иным, кроме иранской падежной флексии. Ср. приведенный выше пример из позднего парфянского письма и многочисленные другие примеры из позднепарфянских и раннесасанидских надписей, где мы встречаем в точности то же явление.

Третий случай серьезного расхождения между нашим толкованием и толкованием И. Н. Винникова касается слова HN'LT, которое мы переводим как «взнос». И. Н. Винников указывает на редкое значение глагола 'alal, а именно «собирать», в частности «собирать урожай», и на этом основании предлагает для слова HN'LT значение «сбор урожая». Однако это не главное и не наиболее употребительное значение этого глагола⁴. Затем сомнительно, может ли стоящий после этого слова предлог 'L

¹ См., например, J. A u g a p f e l, *Babylonische Rechtsurkunden aus der Regierungszeit Artaxerxes I und Darius II*, Wien, 1917, стр. 69 и 75. Аугапфель переводит «Abgabeländerei (?) des Königs». Таким образом, оказывается правильным чтение этого термина, предложенное нам А. А. Фрейманом еще при публикации первых документов, а наш отказ от этого чтения — неправильным.

² Это могли быть арендные сборы или просто поступление доходов; наконец, на царской земле могли сидеть и лица, облагаемые налогом; вопрос этот сложнее, чем кажется М. Шницеру.

³ Соответствующее наречие в данный период должно было звучать как arāš < др.-иранск. arā-ša и передаваться графически в текстах из Нисы как *rš, а не 'wz; *avāz (парф.), avāz (среднеперс.) — значительно более поздние формы этого наречия. Переход поствокального -r в звонкий спирант -β произошел в первые века нашей эры; заимствования в арамейский, относящиеся к раннеаршакидскому времени, указывают на сохранение древнего -r в парфянском и среднеперсидском этого времени, например 'NPQ', «чистое вино» < anārak, и многие другие. Переход -š > -ž произошел, повидимому, раньше, чем -r > -β (арам. QPYZ 'мера емкости' < kar'ž < kar š), однако вряд ли ранее рубежа нашей эры (ср. арам. DRGŠ, где -š передает иранское -š, ср. армянск. darguč). В текстах из Нисы š регулярно передается как š. Во всех подобных случаях необходимо учитывать, что в текстах из Нисы в иранских словах соблюдается принцип исторической орфографии (ср., например, написание MTRDT для Mīhrdāt < *Mīθradāta). По аналогичным причинам столь же сомнительна и возможность передачи иранского vār «стена» как -BR.

⁴ Каузативная порода глагола 'alal в той специфической форме с назализацией, какую дает и имя действия от этой породы данного глагола в текстах из Нисы (HN'LT), всегда имеет в староарамейском значении «приносить», «делать взнос», см. примеры из элефантинских папирусов, на которые ссылается М. Шницер, «Semitica», V, стр. 77,

означать в данном случае «за», как это требуется по переводу И. Н. Винникова («сбор урожая за год такой-то»). Значение этого предлога прежде всего «на». Поэтому естественнее наш перевод «взнос на год такой-то», который соответствует обычному значению каузативной породы глагола ⁴alal, признаваемому и И. Н. Винниковым.

Давая свой перевод данного выражения, И. Н. Винников замечает: «Употребление нисийскими писцами аномальной и чрезвычайно редкой формы han⁴ala лишний раз говорит против теории о том, что мы имеем здесь дело с арамейскими идеограммами». В действительности дело обстоит как раз наоборот: это прекрасное подтверждение нашего тезиса о гетерографическом характере парфянской письменности. Дело в том, что han⁴ala — не просто «аномальная и чрезвычайно редкая форма», — это форма, неизвестная, по существу, арамейским диалектам, за исключением одного только «имперского арамейского», или «западноарамейского койнэ», т. е. диалекта, откуда и заимствовались гетерограммы. Зато эта форма чрезвычайно маловероятна в любом живом арамейском диалекте I в. до н. э.

Конечно, старые формы, как языковой или графический пережиток, могут встречаться и в более поздних текстах. Однако для того, чтобы доказать, что перед нами реальный арамейский диалект, а не гетерография на основе «имперского арамейского» VI—IV вв. до н. э., нужно показать хотя бы одну форму, которая мыслима лишь в подобном диалекте, а не в «имперском арамейском». Такой формы показать нельзя. Все формы арамейских слов в документах из Нисы легко объясняются лишь из «имперского арамейского», который, как уже указывалось, в это время продолжал существовать только в гетерографии, и нет никаких оснований утверждать, что перед нами реальный, живой арамейский диалект I в. до н. э.

Таким образом, И. Н. Винникову не удалось доказать правомерности своих толкований спорных слов, а тем самым отпадает необходимость другого понимания данных документов, именно не как хозяйственных документов, посвященных натуральным сборам с виноградников, а как этикеток. Такое предположение плохо вяжется уже с самым внешним видом черепков — их размеры, вес и форма говорят против того, что они использовались как этикетки; никоим образом их нельзя было бы прикрепить к сосуду. С другой стороны, тяжелый вес и большие размеры вообще свойственны парфянским черепкам с надписями, как мы знаем по документам из Дура-Эвронос¹.

Кроме того, хотя пока были изданы только документы, имеющие касательство к вину и виноградникам, однако в числе неизданных имеются и документы иного содержания. Да и в пределах круга вопросов, связанных с поступлениями вина, документы из Нисы довольно разнообразны. Предварительная их классификация позволила разбить их на следующие типы:

А. Документы, связанные с поступлением вина и продуктов виноградарства:

1. Наиболее многочисленный тип документов, указывающих, после вводной формулы BHWT³ ZNH, название и категорию виноградника, число мер вина (в мере «марри» и ее подразделениях), взнос (иногда указывается «в царскую казну») на какой год по аршакидской эре, имя и звание ответственного чиновника (иногда также его место происхождения или его служебный округ) и, в виде отдельной приписки, хранилище (?), куда поступило вино. Ответственными обычно являются «чиновники винного склада» (mdwbr) или писцы. Категорий виноградников две: 'wzbr и ptbzyk; оба термина имеют отношение к царским сборам. Вместо названия виноградника, имения,

прим. 3, а также в арамейских текстах Библии, Dan. II, 25; IV, 3; VI, 19. Поэтому не может быть сомнения, что HN'LT в наших текстах значит «взнос», тем более, что в еще не изданных текстах встречается расширенная форма этого выражения — «взнос (конечно, не «сбор урожая!») в казну царя на год такой-то» — HN'LT 'L GNZ' MLK' L ŠNT... (слова с нарушением правил арамейского синтаксиса: с определенным состоянием перед генетивным определением вместо сопряженного!).

¹ Это было нам указано участниками обсуждения нашего доклада на XXIII Международном конгрессе востоковедов.

села или урочища, откуда происходит вино, иногда встречаются обозначения «дворцовый», а также обозначения, образованные от имен парфянских царей определенной линии аршакидского дома, вероятно, указывающие на то, что соответствующие виноградники входили в состав имений, посвященных культуре этих царей.

В ряде случаев указывается назначение вина: оно либо поступает «в руку» лиц административной иерархии (начальника крепости или селения, *dyzpt(y)*¹, сатрапа, *ḥštrp* или *PHṬ'*, и марзпана, *mzwrpn*), либо бывает «отпущено кравчим», *'ph(r)št ḥwrzbrn*. Имеются и другие формулы, связанные, вероятно, с назначением вина.

2. Аналогичный тип документов, по большей части посвященный уксусу; вместо слова «взнос» (*HN'LT*) стоит другой термин (*Q'YLT*).

3. В некоторых документах, относящихся к 150—160 гг. аршакидской эры, стандартная вводная формула *BHWT' ZNH* отсутствует и документ начинается с даты (года); дальнейший формуляр сокращен.

4. Имеется ряд документов, формулированных сокращенно, вплоть до одного слова «уксус», «виноград» или «старое вино» после вводной формулы. Даты обычно нет. Некоторые из этих документов, действительно, могли бы считаться этикетками, но в отдельных случаях указание на «уксус» и «вино» соединяется в одном документе, что было бы невозможно если бы перед нами была этикетка.

5. Особую группу составляют документы о взносе вина «от себя» — (*MN NPSH*), иногда, по видимому, от высокопоставленных лиц. Речь идет, вероятно, о добровольных взносах на культ.

6. Другую особую группу составляют документы, посвященные сбору, называемому *ptsyk* или «место *ptsyk*». Этот сбор взимается не с виноградников, а с отдельных виноградарей; обычно имеется по несколько записей на одном черепке.

7. Сравнительно редкая группа документов — перечни виноградников, известных и по другим текстам, с указанием нормы виноградного сула (?).

8. Особняком стоит документ итогового учета, произведенного в конторе винного склада «крепости Митрадатакерт», *MTRDTKRT BYRT'*, Последнее — вероятно, древнее название «Старой Нисы» (№ 1693).

9. Имеются также отдельные краткие записи, этикетки (?), например, № 1377: «Уксусом сделанное», и т. п.

В. Прочие документы: 1) описи каких-то предметов, датированные днем и месяцем по зороастрийскому календарю, редко и годом; 2) краткие письма типа служебных записок; 3) учебные тексты (упражнения в письме).

Из этой краткой классификации документов видно, что их содержание отнюдь нельзя свести к содержанию этикеток.

Выше мы привели наши возражения против мнения о том, что язык этих документов следует считать арамейским. Нам уже приходилось подробно мотивировать, почему их язык следует считать парфянским; к сожалению, ни в статье И. Н. Винникова, ни в статье М. Шнипера не содержится разбора наших аргументов. Однако вновь приводить их полностью — в свете всего вышесказанного вряд ли имеет смысл. Изложим их лишь вкратце по пунктам:

1. В текстах имеется значительное число иранских слов, нередко с правильно употребленной иранской флексией косвенного падежа (*LYD dyzpty*; *MN KRM'wzbr*; *MN mtrdtkny*) и множественного числа (*MN rzpnn*; *ḥwrzbrn*), в том числе такие слова, которые не являются техническими терминами и имели общеизвестные арамейские эквиваленты. Встречаются целые выражения, полностью или частично в раскрытом иранском написании, например *HLH krtk* «уксусом сделанное»; *'ph(t)št ḥwrzbrn* «отпущено кравчим», и более пространные. Почти все довольно многочисленные названия должностных лиц, от высокого чиновника, *drugpt(y)*, до простого виноградара, *gzpn* (кроме слова «писец», *SPR'*, и вариантного написания для слова «сатрап»), и все составные слова пишутся только по-иран-

¹ Так не *gzrty*, как мы читали первоначально.

ски, хотя в ряде случаев соответствующие понятия легко можно было бы выразить по-арамейски¹.

2. Есть примеры, когда одно и то же понятие передается то арамейским словом — гетерограммой, то иранским словом — раскрытым написанием: hštr и RHT²; nwršt и HDT; nwk и HDT, и т. д.

3. Арамейский синтаксис в текстах из Нисы (как и в других аналогичных гетерографических текстах) систематически нарушается.

4. Все синтаксические конструкции находят себе объяснение из того, что нам известно о синтаксисе парфянского языка, который в некоторых отношениях стиличался от синтаксиса лучше известного средне- и новоперсидского языка. Здесь мы не будем входить в детальную аргументацию этого положения: в той мере, в какой это касалось ранее найденных текстов, это уже сделано в нашей предыдущей статье в ВДИ, а в полном объеме должно явиться предметом отдельного изложения.

5. Некоторые фонетические особенности иранских слов и собственных имен в документах из Нисы характерны специально для парфянского языка, а не для среднеперсидского (nwršt, ʔtwršl).

На основании всего вышеизложенного мы полагаем, что наши выводы относительно того, что язык документов из Нисы — парфянский, остаются в силе, так же как и предложенный нами перевод, хотя последний, разумеется, потребует в дальнейшем уточнения во многих направлениях. Попытка доказать, что документы написаны на арамейском языке, должна считаться несостоятельной.

Тем не менее работа И. Н. Винникова над документами из Нисы содержит ряд плодотворных мыслей и замечаний. В частности, И. Н. Винников правильно отметил, что слово HMR должно рассматриваться как аббревиатура; однако ее надо читать не по-арамейски, как HMR MDY «опьяняющее (или мидийское) вино», а по-парфянски HMR mru «вина мер (столько-то)», где mru — иранская мера емкости, известная еще с ахеменидского времени (греч. μῆρας). Весьма интересны соображения И. Н. Винникова относительно цифровых обозначений в нисийских документах и др.² Полагаем, что дальнейшая работа И. Н. Винникова, выдающегося арамеиста, над арамейскими элементами нисийских документов, доступных ныне для исследования во всей своей массе, будет весьма плодотворной. Однако вопрос о языке парфянских документов не должен уже теперь считаться дискуссионным.

И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц